

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

Интерпретация Вильнюсского текста Томаса Венцловы

Аннотация: В статье анализируется концепт *Вильнюсского текста*, которым пользуется в исследованиях недавних лет Томас Венцлова и другие исследователи, в единичных случаях применительно к творчеству самого поэта, эссеиста, литературоведа. Объем исследуемого понятия рассматривается в контексте обширного корпуса текстов Венцловы различных жанров, – от лирического стихотворения до путеводителя по городу, – посвященных Вильнюсу и в связи с аналогичными понятиями *Кенигсбергского* и *Таллинского текстов* в работах ученого. Понятия таких текстов в исследованиях Венцловы концептуально и генетически связаны с конструктами городского текста и сверхтекстовых единств, подобных *Блоковскому*, *Итальянскому*, *Лизиному текстам* русской литературы, развитых тартуско-московской школой структурализма, в особенности с концепцией *Петербургского текста*. В ряде работ Венцловы даются характеристики *Вильнюсского текста* как текста гетерогенного, включающего в себя реальное городское пространство, историю города и биографии связанных с ним людей, произведения различных видов искусств на разных языках. Однако при понимании Вильнюсского текста как единого многоязычного текста в сочетании с субстратом городского пространства и исторических судеб возникает проблема семантической когерентности: очевидны различия в эмоциональной тональности и структуре сюжетов, доминирующих в произведениях на вильнюсские темы в литовской, польской, русской и других литературах. Учет национальных исторических нарративов предохраняет от произвола в интерпретациях смыслов и определения составов «вильнюсских текстов» национальных литератур и многоязычного *Вильнюсского текста*. История определяет различия «вильнюсских текстов» белорусской, еврейской, литовской, польской, русской литератур, образующих полифоничный *Вильнюсский текст*.

Ключевые слова: Томас Венцлова, Вильнюсский текст, городской текст, сверхтекстовое единство, сверхтекст.

Томасу Венцлове принадлежит ряд стихотворных произведений, сочинений эссеистического характера, литературоведческих и историко-культурных работ, связанных с Вильнюсом. Ряд исследований Венцловы последних двенадцати лет посвящены *Вильнюсскому тексту*. Цель исследования заключается в выявлении объема понятия *Вильнюсский текст* в работах ученого и если не в разрешении, то в артикуляции обнаруживаемой проблемы – различий в «вильнюсских текстах» белорусской, еврейской, литовской, польской, русской литератур, противоречащих фундаментальному принципу смыслового единства: всякому тексту, включая свертхетекстовые единства или понимаемое как текст гетерогенное образование внесловесных произведений вместе с реальным ландшафтом и историческими обстоятельствами.

Контекст понятия *Вильнюсского текста* образован произведениями Венцловы разных жанров на тему Вильнюса. К его историко-культурным работам относится своеобразная книжная трилогия – путеводитель по городу (на литовском, английском, польском и других языках)¹, по ряду признаков выходящий за стандарты обычного путеводителя; написанная в продолжение и дополнение к нему – своего рода иллюстрированная энциклопедия вильнюсских персоналий «Имена Вильнюса» (на литовском, английском, польском языках)², изданная с посвящением памяти Чеслава Милоша и не вполне уместающаяся в рамки биографического словаря, наподобие *Wileński słownik biograficzny*³ и сходных изданий; вышедшая сначала на польском *Opisać Wilno*⁴ и немецком *Vilnius. Eine Stadt in Europa*⁵,

-
- 1 Tomas Venclova, *Vilnius. Vadovas po miestą*, Vilnius: R. Paknio leidykla, 2001. Отсутствующее полное издание на русском языке вряд ли замечает конспективный *Вильнюс и Тракай: путеводитель*. По книге Т. Венцловы *Вильнюс: путеводитель по городу* подготовила Беата Пясецка; перевод Марии Чепайтите, Vilnius: R. Paknio leidykla, 2002 (сокращенный путеводитель издан также на английском, испанском, итальянском, китайском, немецком, польском, французском языках).
 - 2 Tomas Venclova, *Vilniaus vardai*, Vilnius: R. Paknio leidykla, 2006; Idem, *Vilniaus vardai. Nauja laida*, Vilnius: R. Paknio leidykla, 2017.
 - 3 *Wileński słownik biograficzny*, redakcja Henryk Dubowik, Leszek Jan Malinowski, Bydgoszcz: Towarzystwo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 2002 (Encyklopedia Ziemi wileńskiej, t. 1).
 - 4 Tomas Venclova, *Opisać Wilno*, przełożyła Alina Kuzdobska, Warszawa: Fundacja Zeszytów Literackich, 2006.
 - 5 Tomas Venclova, *Vilnius. Eine Stadt in Europa*, aus dem Litauischen von Claudia Sinnig, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2006.

с названием *Вильнюс: город в Европе* известная русскому читателю⁶ (также венгерскому и французскому), на английском и литовском – как «Вильнюс. Личная история»⁷.

«Диалог о Вильнюсе» с Чеславом Милошем (1978) приходится отнести к разряду публицистики или эссеистики. Во всяком случае именно в этом разделе диалогическая пара литературных писем представлена в библиографическом указателе, охватывающем 1956–2011 гг.⁸ По оценке Валентины Брио, диалог имеет «огромную историко-культурную» и даже «историософскую ценность»⁹. Вероятно, одно из наиболее известных произведений наполовину Венцловы вышло на польском языке, но в Париже¹⁰; в Варшаве опубликовано год спустя – в неподцензурном издательстве¹¹. Аналогичным образом литовский перевод появился незамедлительно, но за океаном¹², с названием, известным и русскому читателю «Вильнюс как форма духовной жизни», очевидно подсказанным упомянутым в письме Венцловы эссе Томаса Манна «Любек как форма духовной жизни». Так же озаглавлен русский перевод, напечатанный в Париже¹³. В 1981 г. парижский *Синтаксис* широкого хождения в Литве не мог иметь, но в «пятилетку пышных похорон» пишущему эти строки довелось читать в Вильнюсе машинописную копию текста *Синтаксиса*. В Вильнюсе, наконец, эпистолярный диптих в 1989 г. был опубликован на литовском языке сначала в

6 Томас Венцлова, *Вильнюс: город в Европе*, пер. с лит. Марии Чепайтите, Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012.

7 Tomas Venclova, *Vilnius. A Personal History*, translated by Margot Bettauer Dembo, Riverdale-on-Hudson: The Sheep Meadow Press, 2009; Idem, *Vilnius: asmeninė istorija*, Vilnius: R. Paknio leidykla, 2011.

8 Tomas Venclova: *bibliografijos rodyklė (1956–2011)*, sudarytojos Jolanta Budriūnienė, Jolanta Garlaitė, Vilnius: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka, 2012.

9 Валентина Брио, «Вильно – Вильнюс как проблема самосознания», *Вильнюс*, 1995, № 4 (143), с. 110.

10 Czesław Miłosz – Tomas Venclova, „Dialog o Wilnie”, *Kultura*, 1979, Nr. 1/376-2/377, s. 3–35.

11 Czesław Miłosz, Tomas Venclova, *Dialog o Wilnie*, [Warszawa:] Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1981.

12 Czesław Miłosz, Tomas Venclova, „Vilnius kaip dvasinio gyvenimo forma“, Cz. Miłoszo tekstą iš lenkų kalbos vertė Skirmantė Kondratienė, T. Venclovos tekstą iš lenkų kalbos vertė pats T. Venclova, *Metmenys*, 1979, Nr. 38, p. 10–52.

13 Чеслав Милош, Томас Венцлова, «Вильнюс как форма духовной жизни», перевела с польского А. Израилевич, *Синтаксис*, 1981, № 9, с. 57–100.

журнале Союза писателей Литвы *Pergalė*¹⁴, затем в сборнике эссеистики и публицистики Венцловы¹⁵, на русском языке – сначала в газете Саюдиса *Согласие* (без имени переводчика и указания источника)¹⁶, пять лет спустя – в журнале Союза писателей Литвы *Вильнюс*¹⁷. Известно не менее четырех его переизданий на русском языке в Нью-Йорке (1988), Москве (1999, 2001), Санкт-Петербурге (2015); существуют переводы на шведский (1981), французский (1984, 1990), английский (1986, 1991), итальянский (1989), испанский (1990), немецкий (1997), венгерский (1999) языки.

Из литературоведческих работ Венцловы, связанных с Вильнюсом, наиболее известной (во всяком случае переиздаваемой чаще других) представляется выдающийся анализ с комментарием «Литовского дивертисмента» Иосифа Бродского (не менее семи публикаций на русском языке, а также переводы на польский, литовский и другие языки)¹⁸. Последняя по времени работа Венцловы о Вильнюсе – предисловие «Мифология Вильнюса» в книге *Вильнюсские предания и легенды*¹⁹, касающееся некоторых стадияльно и хронологически первых, если можно так выразиться, тактов *Вильнюсского текста* (впрочем, без использования самого понятия).

Доната Митайте в первой монографии о жизни и творчестве Венцловы посвятила отдельную главу особой связи поэта и ученого с Вильнюсом и анализу образа города в его поэзии. Исследователь употребляет понятие *Вильнюсский текст*, относя к нему стихотворения и, кажется, иного рода

14 Česlovas Milošas, Tomas Venclova, „Vilnius kaip dvasinio gyvenimo forma“, Cz. Miłoszo tekstą iš lenkų kalbos vertė Skirmantė Kondratienė, T. Venclovos tekstą iš lenkų kalbos vertė pats T. Venclova. Su Juozo Tumelio priedu, *Pergalė*, 1989, Nr. 8, p. 122–144.

15 Tomas Venclova, *Vilties formos: Publicistika, esė*, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1991, p. 171–205.

16 Чеслав Милош, Томас Венцлова, «Вильнюс как форма духовной жизни», *Согласие*, 1989, № 15, 20 октября, с. 4–5.

17 Чеслав Милош, Томас Венцлова, «Вильнюс как форма духовной жизни», *Вильнюс*, 1994, № 9 (139), с. 103–148.

18 Томас Венцлова, «Литовский дивертисмент Иосифа Бродского», *Синтаксис*, 1982, № 10, с. 162–175. Вариант: «Литовский дивертисмент Иосифа Бродского», in: *The Third Wave: Russian Literature in Emigration*, edited by Matich Olga with Heim Michael, Ann Arbor: Ardis, 1984, p. 191–201.

19 Томас Венцлова, «Мифология Вильнюса», in: *Вильнюсские предания и легенды*. Перевод с литовского и польского и комментарии: М. В. Завьялова; предисловия: Т. Венцлова, М. В. Завьялова, Москва: Институт славяноведения, 2015, с. 12–18.

произведения Венцловы на вильнюсскую тему²⁰ (в переводе на английский язык выражение «вильнюсский текст» исчезло²¹; в русском переводе концепт *Вильнюсского текста* сохранился²²). Пояснений понятию не дается, поскольку по контексту очевидно, что так обозначается корпус текстов с Вильнюсом в качестве темы, начиная с первой машинописной книги стихов с объявленным тиражом в 4 экземпляра *Pontos Ahenos* (1958), ср.: «В этой самой первой своей книге Т. Венцлова напечатал и первое свое стихотворение, принадлежащее к его „вильнюсскому тексту“»²³ (Вильнюс назван в стихотворении «единственным городом»²⁴). Такое понимание отвечает хорошо знакомым Венцлове идеям Юрия Лотмана и других участников тартуско-московской школы структурализма, согласно которым в качестве текста допустимо рассматривать корпус отдельных текстов произведений определенного стиливого, тематического, хронологического, авторского единства²⁵. Для иллюстрации можно привести работы Владимира Топорова о «“Лизином” тексте русской литературы»²⁶.

-
- 20 Donata Mitaitė, *Tomas Venclova. Biografijos ir kūrybos ženklai*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002, p. 157–166.
- 21 Donata Mitaitė, *Tomas Venclova: Speaking Through Signs*, translated by Diana Bartkutė Barnard, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002, p. 185.
- 22 Доната Митайте, *Томас Венцлова*, перевод с литовского Мария и Томас Чапайтисы, Москва: Baltrus, Новое издательство, 2006, с. 142.
- 23 Donata Mitaitė, «Вильнюс в культурном сознании Томаса Венцловы», in: *Sankirtos. Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture. In Honor of Tomas Venclova*, Edited by Robert Bird, Lazar Fleishman, and Fedor Poljakov, Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2008 (*Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe*. Vol. 3), с. 508.
- 24 Стихотворение „Prašėitūs susitarkim neliesti...“, см.: Tomas Venclova, *Pašnekesys žiemą. Eilėraščiai. Vertimai*, Vilnius: Vaga, 1991, p. 11. Ср.: текст с переводом на русский язык: Томас Венцлова, *Metelina: Стихотворения и не только*, пер. и сост. А. Г. Герасимова, 2-е изд., перераб. и доп., Вильнюс: BMK leidykla, 2018, с. 8.
- 25 Юрий Михайлович Лотман, *Структура художественного текста*, Москва: Искусство, 1970 (Семиотические исследования по теории искусства), с. 343.
- 26 Владимир Николаевич Топоров, «Бедная Лиза» Карамзина. *Опыт прочтения: К двусотлетию со дня выхода в свет*, Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995, с. 410–478; «Рассказ Л. Добычина „Встречи с Лиз“ в контексте бедной Лизы железного века», in: *Вторая проза: Русская проза 20-х – 30-х годов XX века*, составители В. Вестстейн, Д. Рицци, Т. В. Цивьян, Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995, с. 77–111.

Стихи и иного рода тексты Венцловы о Вильнюсе на биографическом фоне анализировались в отдельной подглавке книги Валентины Брио *Поэзия и поэтика города. Wilno – וילנע – Vilnius*²⁷. Понятие *Вильнюсский текст* в книге не используется, что обосновано в предисловии: по мнению автора, художественные сочинения (и рассматриваемые мемуары, путевые записки, краеведческие очерки) на польском, литовском, еврейских (иврит и идиш) и других языках, посвященные Вильнюсу, вместе с внелитературным контекстом и топографическим субстратом не образуют подобия *Петербургского текста* с теми признаками, которыми определял это понятие Топоров. Возможное исключение, полагает исследователь, составляет складывающийся *Вильнюсский текст* в польской литературе, где он, в свою очередь, становится «существенной и принципиальной частью другого культурного и литературного единства» – «литературы пограничья» („literatura kresów“)²⁸.

К описанию и анализу образа «единственного города» в поэтическом творчестве Венцловы в работах Митайте и Брио трудно что-либо существенное добавить. Переходя к анализу концепта *Вильнюсского текста* в работах ученого, необходимо отметить, что аналогичный *Вильнюсскому тексту* конструкт вынесен в название его статьи «„Кенигсбергский текст“ русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского»²⁹. Статья, впрочем, начинается с соображения о том, что «было бы преувеличением говорить о кенигсбергском тексте русской литературы (по аналогии с петербургским и московским текстами)»³⁰. Понятие же *Вильнюсский текст*,

27 Валентина Брио, *Поэзия и поэтика города: Wilno – וילנע – Vilnius*, Москва: Новое литературное обозрение, 2008, с. 200–221.

28 *Ibid.*, с. 11.

29 Томас Венцлова, «„Кенигсбергский текст“ русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского», in: *Brodski w analizach i interpretacjach*, pod redakcją Piotra Fasta i Joanny Madloch, Katowice: Śląsk, 2000 (Biblioteka Przeglądu Ruscystycznego; nr 5), s. 7–29.

30 Ср.: в более доступных изданиях: Томас Венцлова, «„Кенигсбергский текст“ русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского», in: *Как работает стихотворение Бродского: Из исследований славистов на Западе*, редакторы-составители Л. В. Лосев, В. П. Полухина, Москва: Новое литературное обозрение, 2002, с. 48; Томас Венцлова, *Статьи о Бродском*, Москва: Baltrus; Новое издательство, 2004, с. 96; Томас Венцлова, *Собеседники на пиру. Литературоведческие работы*, Москва: Новое литературное обозрение, 2012, с. 235.

насколько удалось установить, Венцлова впервые использовал в работе, рассматривающей Вильнюс в свете мифа разделения и мифа соединения, определяющих версии исторических нарративов³¹. В этой статье Венцлова с ссылкой на Топорова и Лотмана применил к городскому пространству Вильнюса термин «городского текста». По аналогии с *Московским* и *Петербургским текстом*, описанными русской школой семиотики, полагает автор, можно говорить о *Вильнюсском тексте*. Он характеризуется, прежде всего, как поликультурный и полихронный. Эти определяющие черты очевидны в самой архитектуре города, которая может быть истолкована и как субстрат *Вильнюсского текста*, и как его неотъемлемая часть³². Другими свойствами Вильнюса, определяющими его текст, выступают ситуация на границе конфессий, лингвистических ареалов и этнокультурных регионов, положение анклава, постоянно возобновляемая, вопреки конфликтам и монологизирующим тенденциям национальных исторических нарративов, традиция диалога.

Идея *Вильнюсского текста* и ряд положений статьи были развиты в лекции, прочитанной в Варшаве на польском языке и опубликованной сначала на литовском языке³³ и два года спустя – на польском³⁴; известен английский перевод³⁵. По Венцлове, такой текст есть у каждого значительного города от Афин, Флоренции, Вены и Дублина до Петербурга, Кракова и Варшавы. Его образуют не только художественные и документальные тексты, но и тексты внесловесные (живопись, графика, фотография, кино),

31 Tomas Venclova, “Vilnius/Wilno/Vilna: The Myth of Division and the Myth of Connection”, translated by Tatyana Buzina, in: *History of the Literary Cultures of East-Central Europe: Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th centuries*, vol. II, edited by Marcel Cornis-Pope and John Neubauer, Amsterdam: John Benjamins, 2006 (Comparative History of Literatures in European Languages, vol. XX), p. 11–28.

32 *Ibid.*, p. 11.

33 Tomas Venclova, „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, iš lenkų kalbos vertė Irena Aleksaitė, *Kultūros barai*, 2009, Nr. 9, p. 20–28; id., in: *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas. Straipsnių rinktinė*, red. kol. A. Bumbauskas, Š. Liekis, G. Potašenko, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009, p. 168–187.

34 Tomas Venclova, „Wilno jako przedmiot nostalgii“, *Krakowskie Pismo Kresowe*, 2011, nr 3, s. 123–137.

35 Tomas Venclova, “Vilnius: The city as object of nostalgia”, published 27 July 2010, translation by Kristina Aurylaite. Prieiga per internetą: <https://www.eurozine.com/vilnius-the-city-as-object-of-nostalgia/>, [žiūrėta 2017 09 14].

все то, из чего складывается аура и мифология города, сохраняя его в памяти культуры как единственное в своем роде символическое целое. Архитектура и в значительной степени детерминированная ею повседневная жизнь образуют первичный слой, наряду с которым имеются и другие слои. *Вильнюсский текст* вбирает в себя также человеческие судьбы, такие как судьба Юозаса Кекштаса («литовский поэт, польский солдат, ну и русский заключенный») ³⁶. В такой перспективе биографический и писанный текст (корпус текстов) уроженца Клайпеды, который нашел в Вильнюсе очевидно главный город своей жизни ³⁷, долгие годы после отъезда в 1977 г. лишенный возможности вернуться, но многократно возвращавшийся сначала *per verba*, потом *in corpore*, который и при физических отсутствиях оставался деталью местного культурного ландшафта, является компонентом *Вильнюсского текста*. Место, которое Венцлова занимает в литовской культурной и общественной жизни, характерно пограничное, инаковое, эксцентричное; во всяком случае, его выступления на актуальные общественно-политические темы, как правило, вызывают резонанс по причинам видимого несовпадения с господствующими дискурсами, причем при разных политических режимах.

Постулируемая ученым многоязычность *Вильнюсского текста* в практике самого Венцловы реализуется его работами, связанными с Вильнюсом. Они первоначально создавались на одном из трех вильнюсских языков (литовском, польском или русском), затем продолжали жить интенсивной жизнью на двух других прежде всего (и не только). Нелишне напомнить, что первые стадияльно и хронологически тексты о Вильнюсе, – литовские легенды о Свинтороге (Швинтороге) и сне Гедимины о Железном

36 Tomas Venclova, „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, Ср.: Tomas Venclova, „Vilniaus ir Talino tekstai“, iš rusų kalbos vertė Donata Mitaitė, in: Idem, *Pertrūkis tikrovėje: straipsniai apie literatūrą ir kultūrą*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto leidykla, 2013, p. 399–400; Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста», *Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Семиотика города. Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.)*, Таллинн: Издательство ТЛУ, 2014, с. 29–30; Tomas Venclova, “The Text of Vilnius and the Text of Tallinn: A Comparison”, in: *Urban Semiotics. The City as a Cultural-Historical Phenomenon*, edited by Igor Pilshchikov. Tallinn: TLU Press, 2015, p. 39–40.

37 Donata Mitaitė, «Вильнюс в культурном сознании Томаса Венцловы», с. 505.

волке³⁸, – были зафиксированы в летописях на восточнославянском языке³⁹, а затем пересказывались в хрониках и историографических, краеведческих, художественных и иных сочинениях на польском, латинском, литовском и других языках. Если для *Вильнюсского текста* это – норма, то и здесь не может не появиться аномалия, соответствующая репутации города загадочного, магического, эксцентричного, в характеристике Венцловы: статья о Вильнюсе в контексте мифов разделения и соединения вышла в малодоступном издании на английском языке, – в переводе, судя по фамилии переводчика, вероятно, с русского языка, – на вильнюсских языках не публиковалась.

Частный пример «нормального» «вильнюсского текста» Венцловы о *Вильнюсском тексте* – исследование, сопоставляющее *Вильнюсский* и *Таллиннский тексты*, представленное сначала как доклад на конференции в Таллинне (2011) на русском языке, затем опубликованное в переводе на литовский язык⁴⁰, позже на русском⁴¹ и английском языках⁴². Оно содержит концептуальное теоретическое введение и перечисление одиннадцати характерных признаков *Вильнюсского текста* в сопоставлении с *Таллинским*, с оговоркой о том, что оно не является исчерпывающим. Эти же свойства (ситуация на границе государственных, культурных, профессиональных миров, положение этнического анклава, напряжение между городом и ближайшим деревенским окружением при одновременных

38 Детальный анализ двух циклов легенд и их мифопоэтических истоков см.: Владимир Николаевич Топоров, «*Vilnius, Wilno, Вильна*: город и миф», *Балто-славянские этноязыковые контакты*, Москва: Наука, 1980, с. 16–71. Ср.: в литовском переводе: Vladimir Toporov, „*Vilnius, Wilno, Вильна*: miestas ir mitas“, in: Idem, *Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai*. Rinktinė, sudarė Nikolai Mikhailov, iš rusų kalbos vertė Erdvilas Jakutis, Vilnius: Aidai, 2000, p. 46–98; в уточненном переводе: Vladimiras Toporovas, „*Vilnius, Wilno, Вильна*: miestas ir mitas“, vertimą tikslino Natalija Arlauskaitė, Nadežda Morozova, in: *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, sudarė Algirdas Sabaliauskas, Jolanta Zabarskaitė, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, p. 363–441.

39 Tomas Venclova, „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, *Kultūros barai*, 2009, Nr. 9, p. 22; in: *Naujasis Vilniaus perskaitymas*, p. 175. Ср.: Tomas Venclova, „Vilniaus ir Talino tekstai“, p. 403; Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста», с. 35; Tomas Venclova, “The Text of Vilnius and the Text of Tallinn: A Comparison”, p. 44–45.

40 Tomas Venclova, „Vilniaus ir Talino tekstai“, p. 399–415.

41 Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста», с. 29–55.

42 Tomas Venclova, “The Text of Vilnius and the Text of Tallinn: A Comparison”, p. 39–64.

идиллических вкраплениях природы и т. п.) в другой последовательности и с иными примерами приводились в упомянутой статье 2006 г. и в варшавской лекции 2009 г. Ученый напомнил о понимании Топоровым *Петербургского текста* как уникального и о скептическом отношении российского ученого к возможности выделения иных «текстов города» (не раз писалось, что Топоров, настаивая на единственности и исключительности *Петербургского текста*, был решительно против конструирования других подобных текстов⁴³).

Тем не менее Венцлова находит возможным утверждать: «любой город имеет свой “язык”, говорит с нами своей топографией, климатом, зданиями, а также корпусом произведений, связанных с его историей и судьбой»; этот язык «может быть реконструирован из совокупности гетерогенных текстов, представляющих собою городскую „речь“»⁴⁴. В этих положениях повторяются утверждения Топорова о том, что Петербург, как и всякий другой город, имеет свой «язык»:

Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный т е к с т, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте⁴⁵.

От этого текста, если можно так выразиться, второго порядка (если первичными считать саму городскую среду и т. д.) Топоров явственно отличает «особый „Петербургский“ текст, точнее, некий синтетический

43 Ср.: Сергей Георгиевич Бочаров, «Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова», in: Владимир Николаевич Топоров, *Петербургский текст*, Москва: Наука, 2009 (Памятники отечественной науки. XX век), с. 13; idem, «О петербургском тексте Владимира Николаевича Топорова: соображения на полях», in: *Топоровские чтения I–IV. Избранное*, составители М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян, Москва: Институт славяноведения РАН, 2010, с. 195–196.

44 Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллинского текста», с. 29–30.

45 Владимир Николаевич Топоров, «Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему)», in: *Ученые записки Тартуского государственного университета*, 1984, вып. 664 (Труды по знаковым системам. XVIII: Семиотика города и городской культуры), с. 13.

сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели»⁴⁶ и в обширном цикле работ сосредоточен в основном на корпусе литературных произведений (*Петербургский текст* русской литературы)⁴⁷, связанных с этим сверхтекстом – текстом третьего порядка.

При таком подходе оказывается, что *Вильнюсский текст* в рассматриваемой работе Венцловы представляет собой реконструкцию гетерогенного текста второго порядка и разноязычных литературных «вильнюсских текстов», образуемых сочинениями вильнюсской тематики разных авторов, без притязаний на выстраивание подобия синтетического провиденциального сверхтекста с предполагаемой спасительной функцией. В понимании Венцловы, *Вильнюсский текст* «принципиально мульткультурен и полиглотичен», в разноязычных текстах о Вильнюсе повторяется, часто с переосмыслением, один и тот же набор символов, метонимий и метафор, мифических и мифологизированных сюжетов и персонажей. *Вильнюсский текст* «почти всегда ностальгичен» и «ориентирован на мифическую модель мира», и поэтому несходства *Вильнюсского* и *Таллиннского* текстов могут быть сведены к оппозиции «город мифа» vs «город истории»⁴⁸. По необходимости краткий очерк «литературной составляющей» *Вильнюсского текста* включает «вильнюсские тексты» на польском, литовском, еврейских, белорусском языках, с упоминанием текстов о Вильнюсе на русском (Валерий Брюсов, Юрий Юркун, Константин Бальмонт, Иосиф Бродский), на французском (Ромен Гари), немецком (Альфред Деблин) языках.

Что касается текстов Брюсова, то имеются в виду, очевидно, его стихотворения 1914 г. «В Вильно» («Опять я – бродяга бездомный») и «Все чаще» («Все чаще по улицам Вильно»), отмеченные в вильнюсском словаре персоналий Венцловы⁴⁹. Оба стихотворения были напечатаны в октябрьском номере журнала *Русская мысль*, первое с датой «Август 1914 г.», второе – «Сентябрь 1914 г.»⁵⁰. Журнальные версии были воспроизведены

46 *Ibid.*

47 Основные работы цикла собраны в двух объемных книгах: В. Н. Топоров, *Петербургский текст русской литературы. Избранные труды*, Санкт-Петербург: Искусство-СПБ., 2003; *Петербургский текст*, Москва: Наука, 2009 (Памятники отечественной науки. XX век).

48 Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста», с. 32–34, 54.

49 Tomas Venclova, *Vilniaus vardai*, 2006, p. 184; Idem, *Vilniaus vardai. Nauja laida*, 2017, p. 200–201.

50 Валерий Брюсов, «Пять стихотворений», *Русская мысль*, 1914, № 10, с. 164–165.

в книге *Семь цветов радуги. Стихи 1912–1915 гг.* (Москва: Издательство К. Ф. Некрасова, 1916); в таких редакциях стихотворения публиковались в собрании сочинений поэта (с датами по рукописям «15 августа 1914» и «17 августа 1914») ⁵¹ и публикуются до сих пор. Второе стихотворение было опубликовано в многоязычном вильнюсском сборнике *19 8/XII 14 День искусства*, изданном Виленским художественным обществом ко дню благотворительной акции и устроенной по этому поводу выставки-лотереи для сбора средств в пользу пострадавших от войны в Сувалкской, Гродненской и Ковенской губерниях ⁵². Брюсовское стихотворение «Все чаще» было напечатано рядом с отрывком из дневника Чюрлениса и текстом польского литератора, журналиста, краеведа Люциана Узембло, причем под названием «В Вильне», с датой «17 авг. 1914 г.» (позволяющей допустить, что в распоряжении составителей сборника был датированный автограф Брюсова) и в редакции, отличной от версии *Русской мысли*: вместо «польской» формы *Вильно* («Все чаще по улицам Вильно», «Вильно патрон – Казимир») симптоматично использована «русская» форма названия города *Вильна* («Все чаще по улицам Вильны», «Вильны патрон – Казимир») ⁵³. Варьирование формы объяснимо общественно-политическими контекстами публикаций: если в общероссийских публикациях «польская» форма была отражением польских симпатий, связанных с идеей славянской солидарности перед лицом германской агрессии, то в местном издании, представляющем искусство населяющих город национальных групп (белорусов, евреев, литовцев, поляков, русских), стихотворение Брюсова становилось в ряд текстов здешних русских авторов, поэтому акцентировался его «русский» характер.

В примечаниях к публикации стихотворения «В Вильно» в *Русской мысли* автор указал источник цитатной отсылки («У ног „стародавняя

51 Валерий Брюсов, *Собрание сочинений. В 7-ми томах*, под общ. ред. П. Г. Антокольского и др., т. II: *Стихотворения 1909–1917*, Москва: Художественная литература, 1973, с. 148–149.

52 Laima Laučkaitė, *Vilniaus dailė XX amžiaus pradžioje*, Vilnius: Baltos lankos, 2002, p. 112.

53 Валерий Брюсов, «В Вильне», in: *19 8/XII 14 День искусства. Dzień artystyczny. Meno diena. День искусства* . צען טעניק טאג, [Вильно:] Издательство Художественного общества, Типография М. М. Кухты, 8.XII.1914, с. [1]. Благодарю Лару Лемперт, оказавшую помощь в транслитерации названия издания на идиш, исполненного графически.

Вильна“»): «„Вильна стародавня“ – выражение Ф. Тютчева⁵⁴. В стихотворении «Над русской Вильной стародавной» (1870) Федор Тютчев, по словам Венцловы, радовался обрусению города и насаждению в нем православия („džiūgavo dėl miesto rusinimo ir stačiatikinimo“)⁵⁵. Очевидно, что о ностальгичности в стихотворениях Тютчева и Брюсова можно говорить только в каком-то специальном смысле; оба стихотворения различными средствами реализует сюжет возвращения, возрождения прежнего благого состояния⁵⁶.

Признаки ностальгичности можно усмотреть в *Шведских перчатках* Юркуна (1914) – в отчасти автобиографическом романе о детстве и юности, проходящих в умеренно экзотичной провинциальной, польской и по своему эксцентричной театральной среде. С Вильнюсом связаны и другие произведения писателя; например, сюжет «Ибо Он знал, что делал» привязан к «старой литовской столице, где реки голубые, где деревья зеленые, где ветерок свежий, теплый и ласковый и где все просто и спокойно»⁵⁷. Стихотворение Бальмонта «Польскому поэту Яну Лехоню» (1928) в лекции Венцловы «Вильнюс как объект ностальгии» представлено как вклад русского поэта в специфическую «вильнюсскую литературу» – большой корпус текстов литовской литературы, в том числе и стихотворных (Пятрас Вайчюнас, Людас Гира, Казис Бинкис и многие другие), вызванных включением Вильнюса в состав Польского государства⁵⁸. Анализ Инги Видугирите этого и примыкающих к нему стихотворений поэта 1928–1930 гг., связанных с Вильнюским вопросом и «по своей тематике и настрою» полностью совпадающих с литовской поэзией 1920–1930-х гг., позволил определить

54 Валерий Брюсов, «Пять стихотворений», с. 167.

55 См.: Tomas Venclova, *Vilniaus vardai*, 2006, p. 175; Idem, *Vilniaus vardai. Nauja laida*, 2017, p. 191. Подробнее о стихотворении см.: Pavel Lavrinec, „Rusiškasis Vilniaus tekstas“, in: *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miestas paveldas*, p. 268–269.

56 Pavel Lavrinec, „Rusiškasis Vilniaus tekstas“, p. 258–276.

57 Юр. Юркун, «Ибо Он знал, что делал: Литовская легенда», *Огонек*, 1914, № 2, 12 января, с. 14.

58 Tomas Venclova, „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, *Kultūros barai*, 2009, Nr. 9, p. 26; in: *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miestas paveldas*, p. 183. Ср.: Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллинского текста», с. 39.

их как «русский голос» в *Вильнюсском тексте* литовской литературы⁵⁹. Голос Бальмонта был не единственным русским голосом в «вильнюсской литературе». Например, показательно включение в антологию «Поэзия нашего Вильнюса», помимо бальмонтовских стихотворений «Польскому поэту Яну Лехоню» и «Четырцвет» в переводах Гиры, его же перевода стихотворения Евгения Шкляра «Стража на Нерисе» (наряду с соответствующими стихотворениями Вайчюнаса, Бинкиса и многих других литовских поэтов разных поколений, от Майрониса до Бернардаса Бразджениса и Витаутаса Сириос-Гиры)⁶⁰.

Закономерно возникает вопрос: образуют ли «вильнюсские тексты» на разных языках, вместе с архитектурно-ландшафтным субстратом и несловесными текстами, единый многоязычный *Вильнюсский текст* с вариантами или речь должна идти об отдельных «вильнюсских текстах» литовской, польской, еврейской, белорусской, русской, возможно украинской литературы? Венцлова пишет о «вильнюсском тексте» на литовском языке, на белорусском языке и о белорусском «вильнюсском тексте»⁶¹, видимо склоняясь к тому, что «вильнюсские тексты» разных национальных традиций на разных языках образуют, вместе с реальным субстратом городского пространства и несловесными текстами, единый многоязычный текст. Однако возникает проблема семантической когерентности: сверхтекст такого рода, как и всякий текст, предполагает связность и смысловое единство⁶². Топоров, с одной стороны, формулировал критерии выделения в русской художественной литературе особого *Петербургского текста* (что допускает исключение из него текстов петербургской тематики, но не соответствующих определенным критериям), с другой – не обнаруживал в описаниях Москвы семантической связности, не видя возможностей выделения *Московского текста*, и рассматривал сопоставления двух столиц как московский пласт *Петербургского текста*.

59 Инга Видугирите, «„Вильна“ Константина Бальмонта: русский голос в вильнюсском тексте литовской литературы», *Literatūra. 55 (2): Rusistica Vilnensis*, 2013, с. 18–25.

60 *Mūsų Vilniaus poezija: iliustruota Vilniaus poezijos antologija*, redagavo Simas Miglinas, Kaunas: „Sakalo“ bendrovės leidinys, 1932, p. 27–30, 41–42.

61 Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллинского текста», с. 40, 43, 44.

62 Владимир Николаевич Топоров, «Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему)», с. 16–18.

Опыты анализа *Вильнюсского текста* в русской литературе⁶³ выявили его черты, совпадающие с рядом сформулированных Венцловой признаков. Например, различными способами выражаются ситуация на границе культурных миров и гетероглоссия, с которыми сочетаются характерные черты если не экзотичного, то иного пространства. Инаковость выступает в разнообразных аспектах: от «Вот Вильна, польский град, французами кипит!», как писал участник войны с Наполеоном Федор Глинка в едва ли не первом русском стихотворном тексте с упоминанием города (традиционно датируется между 1812 и 1825 гг.), симптоматично связанном с Отечественной войной 1812 г., до фантастичности вильнюсских сюжетов в цикле рассказов «Сказки старого Вильнюса» современного писателя Макса Фрая. Своеобразие единственному в своем роде реальному городу и его литературному образу в русской поэзии и прозе придают непривычная топонимика и имена как исторических, так и литературных персонажей, от Гедимины, Нерис и Вильняле до кафе «Неринга», которое так или иначе фигурирует в повестях Павла Улитина *Поплавок* (1960, опубликована в 1996 г.) и Эргали Гера *Казюкас* (1994), романе Андрея Кленова (собственно Арон Купершток) *Поиски любви* (1967), в стихотворных текстах Иосифа Бродского (1971) и Юрия Кобриня (1985), очерке Василия Аксенова (1962). Еще важнее особая архитектоника, в которой играет большую роль, помимо своеобразного ландшафта и пары рек, средневековая сеть улочек и дворики. Например, персонажу романа Ильи Эренбурга *Буря* (1947) «узкие старинные улочки», вместе с «нежными барочными костелами» и «цветистыми вывесками питейных заведений», напоминают «старые города Франции». Едва ли не непрменный элемент Вильнюса и в художественных произведениях, и в текстах, подобных путевому очерку Константина Паустовского «Ветер скорости» (1955) или воспоминаниям Александра Исбаха (собственно Исаак Бахрах) о Владимире Луговском (1964), – обилие храмов, в особенности католических, готической и барочной архитектуры, придающей городу оттенок экзотичности⁶⁴.

63 Pavel Lavrinec, „Rusiškasis Vilniaus tekstas“, p. 257–276; Павел Лавринец, «Вильнюс как „другое пространство“ в русской литературе», in: *Гетеротопии: миры, границы, повествование. Сб. научных статей*, ред. и сост. И. Видугирите, П. Лавринец, Г. Михайлова, Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015 (Mokslo darbai. Literatūra 57(5)), с. 274–284.

64 Подробнее см.: Павел Лавринец, «Присвоение Вильнюса в русской литературе», *Уральский исторический вестник*, 2014, № 3 (44), с. 63–67.

Однако заметны и различия в «вильнюсских текстах» разных литератур. Например, после Холокоста ностальгичность в *Вильнюсском тексте* еврейской литературы приобрела новую тональность⁶⁵: «тема еврейского Вильно звучит как плач по уничтоженному Литовскому Иерусалиму»⁶⁶. В русской литературе существенно связанные с Вильнюсом сюжеты сводятся к инвариантному сюжету возрождения, восстановления, возвращения в благоприятное вильнюское пространство и к истинным ценностям. Возвращение обеспечивается сосуществованием в Вильнюсе настоящего и прошлого, присутствием в настоящем былой аутентичности и интенсивности бытия, по меньшей мере его следов. Литературный образ исключенного из линейного исторического времени пространства или пространства с исчезнувшим прошлым с потенциальными возможностями актуализации опирается на особенности реальной столицы Литвы, напоминающей палимпсест⁶⁷.

Сюжетной прецедентности соответствует свойственная русской версии *Вильнюсского текста* поэтика. Для иллюстрации уместно напомнить цитатную отсылку к стихотворению Тютчева в стихотворении Брюсова и обратить внимание на его кольцевую композицию: первый стих фиксирует повтор ситуации («Опять я – бродяга бездомный»), последние стихи лексически подчеркивают повтор других обстоятельств («Лик Пушкина, с мудрой улыбкой, / Опять поглядит на меня»). Указанный цитацией Тютчев и обозначенный метонимией памятника Пушкин выступают предшественниками-поэтами, своего рода двойниками поэта-автора. В стихотворных произведениях поэтика прецедентности реализуется также в рефренах и повторах, богатным материалом чему служат прежде всего разноязычные названия города. Так, в стихотворении современного вильнюсского поэта Виталия Асовского «Голоса 1989 года» повторы «Отчего ты, Вильнюс, Вильна, Вильно», «Кем в тебя такой, о Вильно, Вильнюс», «где скосили многих, Вильнюс, Вильна» завершаются стихами: «Говорю я – Вильно, Вильна, Вильнюс, / повторяют – Вильнюс, Вильно, Вильна...»⁶⁸. Аналогичная игра с именем города в стихотворении Юрия Кобриня «“Гульбе”».

65 Томас Венцлова, «К сопоставлению вильнюсского и таллинского текста», с. 43.

66 Валентина Брио, *Поэзия и поэтика города: Wilno – 1777 – Vilnius*, с. 173.

67 Tomas Venclova, *Vilnius. Vadovas po miestą*, p. 7.

68 Виталий Асовский, *Стихи о человеке*, Vilnius: Zarzecze, 2015, с. 81–82.

Старая аптека» (1998; с эпиграфом из того же стихотворения Тютчева) сопровождается графически подчеркнутой гетероглоссией; она, вместе с стоящими за ней многоконфессиональностью и культурной неоднородностью, стала темой стихотворения: «Вильна, Wilno, Vilnius и окрест – / монгендовид, полумесяц, крест»⁶⁹.

Обнаруживаемые несовпадения в эмоциональной окраске и в судьбах героев (выраженных сюжетами) в разноязычных версиях «вильнюсских текстов» побуждают ввести внешний по отношению к литературе критерий, как предлагает Инга Видугирите. Такой критерий должен освободить анализ от произвола исследовательских интерпретаций, предохранить от установления границ, образов и смыслов *Вильнюсского текста* в зависимости от отобранного материала, аспектов рассмотрения и, может быть, личной заинтересованности исследователя. Этот критерий состоит в увязывании городского текста с национальной традицией и с относящимся к этой традиции историческим нарративом с его центральным событием (*Петербургский текст* Топоровым обоснован историей – петербургским периодом русской культуры и истории России). Видугирите рассматривает литовские «эпические произведения большой формы, сюжет которых может быть реализован только в Вильнюсе» (романы Ричардаса Гавялиса *Вильнюсский покер*, Юргиса Кунчинаса *Туула*, повесть Антанаса Рамонаса *Белые облака прошедшего лета*), как ответ на возвращение Вильнюса Литве и литуанизацию города. Эти произведения дают основание говорить о *Вильнюсском тексте* литовской литературы⁷⁰. Разница исторических судеб населяющих Вильнюс этнических групп и национальных исторических нарративов фундирует «вильнюсские тексты» литовской, польской, еврейской, белорусской, русской литератур, объясняя несходства при единстве ландшафтно-архитектурного субстрата и общего набора одних и тех же или близких символов, мифических и мифологизированных персонажей. Вместе они составляют большой полифоничный *Вильнюсский текст*.

69 Юрий Кобрин, *Постскриптум. Post scriptum. Стихотворения. Переводы*, Вильнюс: Фонд К. Воробьева, 2010, с. 48.

70 Инга Видугирите, «Петербургский текст русской литературы и Вильнюсский текст литовской литературы: еще раз об аналитическом потенциале концепции В. Н. Топорова», *Literatūra*, 55 (2): *Rusistica Vilnensis*, 2013, с. 11–15.

Выводы

Предпринятое исследование позволяет сделать выводы о содержании и объеме понятия *Вильнюсского текста* в концепции Томаса Венцловы. Концепт включает в себя архитектурный облик, особенности климата и топографии города, историко-культурную репутацию, перипетии истории и отразившие их словесные и несловесные произведения. В работах Венцловы конструируется представление о едином многоязычном тексте, образуемом «вильнюсскими текстами» нескольких национальных литератур вместе с произведениями иных искусств, реальным субстратом и историческими обстоятельствами. Однако семантическая связность так понятого мульткультурного и полиглотичного *Вильнюсского текста* становится сомнительной, если обратить внимание на различия национальных версий. В частности, ностальгичность не характерна для русских текстов о Вильнюсе, которым присуща разнообразная модуляция повторяемости и возвращения, выраженные на сюжетном уровне и специфической поэтикой повторов. Возникающие противоречия может разрешить привлечение национальных исторических нарративов, различия которых обуславливают несходство «вильнюсских текстов» при определенном единстве других компонентов гетерогенного полифоничного *Вильнюсского текста*.

Получено 2018 10 22

Принято 2019 03 15

The Interpretation of Tomas Venclova's Vilnius Text

Summary

The article examines the concept of Vilnius text in Tomas Venclova's cultural works. Venclova wrote a variety of texts dedicated to Vilnius in various genres, such as poems, the well-known epistolary dialogue with Czesław Miłosz, a guide of the city, essays on Vilnius history, and a book about the most famous residents of Vilnius. The Venclova's "Vilnius text" has already been analyzed as such. The author himself has formulated the

concept of *Vilnius text* in several works written in 2006 and later, using the term “city text,” specifically of St. Petersburg, developed by Yuri Lotman, Vladimir Toporov and other representatives of the Russian school of semiotics. In addition, Venclova applied the concept of Königsberg text in Russian literature in the analysis of Joseph Brodsky’s poetry and compared the Vilnius text with the Tallinn text. A closer look at the characteristics of Venclova’s Vilnius text raises the question about its structure, boundaries, and composition. Venclova observes that the heterogeneous Vilnius text consists of a real substratum of urban space. Its history, biographies of Vilnius residents, works of art and fiction written in various languages are linked by theme, plot, and action space. However, the differences of Belarusian, Polish, Lithuanian, Russian, and Jewish literary “Vilnius texts” contradict the fundamental requirement of the coherence of the text and the unity of meaning. National historic narratives could help to avoid the problem of coherence and to eliminate the subjectivity of the researcher of including specific works into the Vilnius text. The differences of the narratives lead to the discrepancies in Belarusian, Polish, Lithuanian, Russian, and Jewish literary “Vilnius texts.” However, on a higher level, separate multilingual texts of Vilnius together with the substratum form one polyphonic *Vilnius text*.

Keywords: Tomas Venclova, Vilnius text, city text, supertext unity, supertext.
